

**СЕЛИВАНОВА Е. А. — ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВС РСФСР
О СЕЛИВАНОВОЙ Е. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.**

СЕЛИВАНОВА Екатерина Александровна, родилась в 1889 в Казани (дворянка). Окончила гимназию. Работала заведующей книгохранилищем научной библиотеки Казанского университета. 16 июля 1935 — арестована, 9 февраля 1936 — приговорена к 4 годам ИТЛ.

В мае 1936 — обратилась с заявлением к председателю Верховного Суда РСФСР.

<11 мая 1936>

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

осужденной СЕЛИВАНОВОЙ Екатерины
Александровны, содержащейся в доме
заключения № 2 г<орода> Казани

ХОДАТАЙСТВО

Приговором Спец<иальной> Коллегии Главсуда ТР от 5-9 февраля с<его> г<ода> (дело № 31) я признана виновной по 58-10 ст<атьи> УК и приговорена к 4-м годам лишения свободы с зачетом предварительного заключения с 16/VII-35 г<ода>.

Этот приговор я обжаловала, но кассационная жалоба моя отклонена.

Зная хорошо свою невиновность, я вижу, что приговор Спец. Коллегии является судебной ошибкой и прошу его пересмотреть.

Я обвиняюсь в том, что вела контрреволюционную пропаганду, причем пропаганда эта разделяется на два отдельные вида: вела пропаганду, так сказать, сама по себе, а затем, используя свое служебное положение "направляла в читательские массы явно контрреволюционные книги Троцкого, Сафарова и др<ругих>. Таковую же литературу пропускала на выставки".

Последние обвинения, как более конкретные, хотя и более тяжелые, легко опровергаются моими объяснениями, как и вообще легко опровергнуть мои обвинения в преступлениях по должности.

Нужно отметить, что в опровержение последних обвинений (по должности) были высланы в Уг<оловную> Касс<ационную> Коллегию Верх<овного> суда некоторые документы, но они к разбору дела опоздали.

Из приговора по моему делу получается странное впечатление: я рассматриваюсь, как лицо, ответственное за политическую обстановку в библиотеке.

А ведь я была только технической работницей, которая отвечала только за технику библиотечного дела.

За политическую работу биб<лиоте>ки отвечают люди, специально на это дело поставленные.

Как человек беспартийный, политически недостаточно грамотный, я могла допустить ту или иную политическую ошибку совершенно невольно, добросовестно относясь к своим обязанностям.

Университетская библ<иоте>ка и библ<иоте>ка для чтения широких масс — не одно и то же. Контингент книг, совершенно недопустимый в популярных биб<лиоте>ках, может войти в каталог научных библ<иоте>к.

Это все вопросы политического характера, требующие руководства человеком в политическом отношении глубоко грамотного.

Поэтому, сознавая всю серьезность положения, я еще в марте м<еся>це 35 г<ода> подала заявление о назначении на мое место более

политически компетентного лица, оставив меня его помощницей, но просьба моя дирекцией библиотечки осталась без внимания.

Теперь относительно моей агитации, не связанной с моим служебным положением. Чем она доказана? Свидетельскими показаниями — говорит приговор. А кто являются свидетелями?

а) Дубяго — который сам является обвиняемым и, который, обвиняя меня, строит на этом свое оправдание;

б) Васильев — которого суд мог в любой момент посадить на одну скамейку со мной.

Останавливаясь более детально на отдельных пунктах обвинения, отмечу следующее.

Относительно того, что на выставку попали контрреволюционные книги Троцкого, Сафарова и др. *<угих>*, то ведь они были допущены не по моему выбору, а по списку, предъявленному мне со стороны организаторов этой выставки. Моя вина была в том, что я не пересмотрела всю эту массу книг, доверившись вполне организаторам выставки, но, чтобы определенно, злонамеренно допустить эти книги в читательские массы, трудно поверить уже потому, что я собственноручно переписала этот список, когда могла свободно этого не делать и не сделала бы, конечно, если бы имела дурное намерение.

Относительно свидетельских показаний, скажу следующее:

Свидетель *<етель>* ВАСИЛЬЕВ, служащий библиотечки, видя, что над моей головой собираются тучи, и боясь, как бы эти тучи не задели его, так как он тоже мог быть причислен к чуждому элементу, решил, спасая себя, явиться свидетелем против меня, чего он вполне достиг. Но, спрашивается, если бы действительно происходили эти разговоры, то зачем же он сам-то принимал в них такое деятельное участие? Ясно, что свидетельство с его стороны был ловкий маневр защититься, как говорится, собственную шкуру. Да и сам свидетель Васильев, безупречен ли в своей работе? По крайней мере, когда я, во исполнение приказа тов. *<оварица>* Крупской об упорядочении дел в книгохранилище, неоднократно обращалась к нему, как к заведующему кабинетом редких книг, прося его и даже требуя переписать книги, и дать мне этот список с целью учета выданных из книгохранилища редких книг, то Васильев упорно этого не делал, по крайней мере, до моего ареста. Да и сделано ли это сейчас?

Интересно расшифровать этот поступок — не является ли он желанием нанести вред и затормозить работу библиотечки.

Свидетель *<етель>* ДУБЯГО — сам обвиняемый, по натуре трус, по образованию юрист; он, конечно, быстро сообразил, как ему надо действовать, спасая свои интересы и ничем не брезгуя, решил потопить меня, рассчитывая самому выйти сухим из воды.

И вот на показаниях каких свидетелей (явно не беспристрастных), главным образом, основано мое обвинение.

Относительно разговоров припоминаю, я опять-таки утверждаю, что я таковых со злостными намерениями, как это мне приписывают, не вела. Что касается моих первых показаний, то должна сказать, что вначале я была так ошеломлена и пришиблена своим совершенно неожиданным арестом, что ничего соображать не могла. Потом, придя в себя и припомнив прошлое, я могу утверждать, что возводимые на меня обвинения все основаны на клевете лиц, желающих спасти себя за мой счет.

Я великолепно сознавала и сознаю, что жизнь всей страны идет все лучше и лучше, и могла ли я желать нарушения этого мира и благополучия?

Меня обвиняют в том, что я выживала из библиотечки работников пролетарского происхождения, что я с ними грубо обращалась, но

конкретно мне было предъявлено только одно обвинение, относительно сотрудницы Лебедевой, которую я, якобы, выжила. Но та же Лебедева на суде заявила, что ушла из библиотечки по собственному желанию, но суд этого почему-то не принял во внимание. Если бы были вызваны на суд другие служащие, имеющие со мной на службе отношение, думаю, что они этого обвинения не подтвердили бы.

Мне поставили в вину, что в библиотеке царил полнейший хаос, что в библиотеке хранились книги белоэмигрантов-профессоров. Так ведь в библиотеке была я не одна, а был не один десяток служащих, наконец, есть администрация; что же она-то ничего не видела и ничего не делала, чтобы устранить эти недостатки? Правда, сейчас администрация смещена и заменена новыми работниками.

Когда меня назначили в книгохранилище, в котором я работала два года с лишним, то старалась, по силе возможности, навести в нем порядок и о всех недостатках, которые я смогла за это время заметить, я подавала на имя дирекции две докладные записки с разъяснением, каким образом, по-моему, надо улучшить состояние такого громадного книгохранилища, но не моя вина в том, что дирекция библиотеки слишком мало уделила внимания моим замечаниям в таком серьезном деле.

Вернусь опять к обвинениям меня в контрреволюционных действиях. Мне оставалось всего прослужить один год до получения полной пенсии (я работала 8 лет в качестве преподавательницы и 16 лет в библиотеке) и, если уже сначала не была контрреволюционеркой, то какой же смысл сделаться ею теперь, портить себе карьеру — для чего и зачем?

Сознавая прекрасно, что у меня на руках старая и больная мать, которая осталась почти одинокой без средств (она после смерти моего отца врача, прослужившего 36 лет на пользу рабочих и крестьян, получает пенсию в размере 24 рублей 25 копеек в месяц), и ей приходится продавать домашний скарб, чтобы продержаться себя и кое-что носить мне, ведь вот уже 10-й месяц, как я нахожусь в заключении. Нет, я никогда не была контрреволюционеркой, не есть и не буду. Я всегда с доверием относилась к Советской власти, примером чему может служить, что во время чехов-словаков, когда почти вся Казань бежала, никто из нашей семьи не покинул города, зная, что мы ни в чем не виновны, и что такого труженика, как моего отца, большевики не тронут и не обидят.

Прошу Вас вникнуть в те доводы, которые я привожу и отменить такой суровый приговор, основанный, почти что на одних свидетельских показаниях, фактически не подтвержденных. Я и так вот уже около 10-и месяцев страдаю, лишена свободы, честного имени и заработка.

11 мая 1936 г. года. г. город Казань»¹.

К заявлению прилагались копии Приговора и Определения.

«По делу № 31

копия

П Р И Г О В О Р

Именем Российской Социалистической
Федеративной Советской Республики

5-9 февраля 1936 г. года Специальная Коллегия Главного Суда Татарской республики, в составе: председательствующего тов. *оварища* ШУМИЛИНА, членов: БЛЯТТЕ и ПАВЛОВА, с участием Помощника Прокурора по специальным делам АРТАМОНОВА и защиты в лице членов Коллегии защитников: ЧЕРНЫШЕВА и ШЛЮПЕР, при секретаре

¹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1496. С. 232-233. Машинопись.

Абдулиной, рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению:

1. СЕЛИВАНОВУ Екатерину Александровну, 1889 г<ода> р<ождения>, русская, беспартийная, уроженка г<орода> Казани, из дворян, образование среднее, ранее не судимая

2. КРАПИВИНУ Екатерину Михайловну, 1889 г<ода> р<ождения>, русская, беспартийная, уроженка г<орода> Горького, из мещан, образование среднее — окончила до революции женские курсы, ранее судимая.

3. ДУБЯГО Сергея Дмитриевича, 1890 г<ода> р<ождения>, русский, беспартийный, из дворян, образование высшее юридическое, ранее не судим, —

всех в преступлении, предусмотренном ст<атьей> 50-10 УК.

Выслушав объяснения обвиняемых, свидетелей, речи представителей гособвинения: Пом<ощника> Прокурора по спец<иальным> делам Артамонова и защиты Чернышева и Шлюпер, — Коллегия нашла установить:

Все обвиняемые являлись работниками Научной библиотеки Казанского Государственного Университета им<ени> Ленина. Обвиняемая СЕЛИВАНОВА работала в качестве зав<едующей> книгохранилища, КРАПИВИНА — зав<едующей> отделом комплектования и Дубяго — ученым секретарем названной библи<оте>ки.

Научная библи<оте>ка была засорена лицами чуждого происхождения, в том числе из чуждых были ДУБЯГО и СЕЛИВАНОВА.

ДУБЯГО — сын реакционного профессора, дворянина, активнейшего участника подавления революционного движения среди студенчества в 1905 г<оду>, СЕЛИВАНОВА — также дворянка. В библи<оте>ке царил полнейший хаос. В библи<оте>ке хранились книги белоэмигрантов-профессоров, национализированные еще в первые годы революции, но почему-то до последнего времени не разобранные и не занесенные в инвентарь. Отдел комплектования бесконтрольно закупал библи<оте>ки у частных лиц, при этих бесконтрольных покупках попадали книги идеологически вредные. Библиотекой не уделялось должного внимания приобретению татарской литературы.

Занимая руководящие должности в библи<оте>ке, все обвиняемые занимались контрреволюционной деятельностью. Работа библи<оте>ки, благодаря указанных лиц, была направлена на продвижение в читательскую массу, в частности, студенчества К<азанского> Г<осударственного> У<ниверситета>, контрреволюционной литературы.

Конкретно контрреволюционная деятельность обвиняемых заключалась в следующем:

Обвиняемая СЕЛИВАНОВА систематически вела разговоры о тяжелом материальном положении, восхваляя дореволюционное время. В конце 1934 г<ода> в помещении книгохранилища СЕЛИВАНОВА в присутствии ДУБЯГО, КРАПИВИНОЙ и свид<етеля> по делу ВАСИЛЬЕВА вели разговоры пораженческого характера в пользу Японии. Будучи зав<едующей> книгохранилищем, она направляла в читательские массы явно контрреволюционные книги Троцкого, Сафарова и др<угих>. Такую же литературу пропускала на выставки.

ДУБЯГО, являясь ученым секретарем библи<оте>ки, всячески критиковал соц<иалистическое> лицо библи<оте>ки в отчетах Н<аркомата> Пр<освещения> РСФСР, умышленно стараясь уменьшить % работников, по происхождению из чуждых. Будучи участником неоднократных контрреволюционных разговоров со стороны СЕЛИВАНОВОЙ, замалчивал об этом и не доносил об этом соответствующим органам.

Обв<иняемая> КРАПИВИНА подпала под их влияние и также присутствовала при контрреволюционных разговорах со стороны СЕЛИВАНОВОЙ.

Обвиняемые отрицают свою вину, кроме Дубяго, признавшего свою вину в недоносительстве о контрреволюционной агитации, но эти факты подтверждаются в отношении СЕЛИВАНОВОЙ, КРАПИВИНОЙ, свид<етелем> ВАСИЛЬЕВЫМ, ДУБЯГО и пр<очими> свидетелями.

Также подтверждены и др<угие> пункты обвинения в отношении СЕЛИВАНОВОЙ и ДУБЯГО.

Свидетели, подтверждая обвинение, характеризовали ДУБЯГО и СЕЛИВАНОВУ весьма с отрицательной стороны, как бюрократов и критиканов, нечеловечески относящихся к работникам из пролетарского происхождения, которые выживались из библ<иоте>ки, напр<имер> Лебедева.

Действия обвиняемой СЕЛИВАНОВОЙ подлежат квалификации по ст<атье> 58-10 УК, КРАПИВИНОЙ и ДУБЯГО по ст<атье> 58-12 УК.

Руководствуясь ст<атьями> 319 и 320 УПК – Коллегия

П р и г о в о р и л а :

1. Обвиняемую. КРАПИВИНУ Екат<ерину> Михайловну по ст<атье> 58-12 УК подвергнуть лишению свободы сроком на 1½ (полтора года) года с зачетом предварительного заключения с 11/IX-35 г<ода>.

2. Обвиняемого ДУБЯГО Сергея Дмитриевича, 1890 г<ода> р<ождения> по ст<атье> 58-12 УК подвергнуть лишению свободы сроком на 3 (три) года с зачетом предварительного заключения с 23/VIII-35 г<ода>.

3. Обвиняемую СЕЛИВАНОВУ Екатерину Ал<ексан>дровну по ст<атье> 58-10 УК подвергнуть лишению свободы сроком на 4 (четыре) года с зачетом предварительного заключения с 16/VII-35 г<ода>.

Меру пресечения всем обвиняемым оставить содержание под стражей»².

«Дело № 34-1983/с.

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

Специальная Коллегия Суда РСФСР в составе Председательствующего Герасимова, членов Зайцева и Шершанова, рассмотрев заседание от 11 апреля 1936 года, в кассационном порядке по жалобе гр<ажданина> ДУБЯГО С. Д. и др<угих> на приговор С<пециальной> К<оллегии> Главсуда Татарской Республики от 5-9 февраля 1936 г<ода>, коим осуждены:

1. КРАПИВИНА Е. М. по ст<атье> 58-12 УК на полтора (1½) года лишения свободы,

2. ДУБЯГО С. Д. по ст<атье> 58-12 УК к 3 (три) г<одам> лишения свободы,

3. СЕЛИВАНОВА Е. А. по ст<атье> 58-10 УК к четырем (4) г<одам> лишения свободы.

Заслушав члена — докладчика т<оварища> Герасимова и заключение прокурора Лукьяновского, полагавшего приговор суда утвердить, СК определила:

ПРИГОВОР СУДА ОСТАВИТЬ В СИЛЕ.

Председатель Герасимов, члены — Зайцев, Шершанов.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1494. С. 237. Машинопись.

Верно: Секретарь Спец. Коллегии Главсуда ТР Шафигуллина»³.

В мае 1936 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью ее мать Варвара Владимировна Селиванова.

<23 мая 1936>

«Екатерина Павловна!

Одновременно с письмом к Вам, я послала ходатайство моей дочери и мое Председателю Верховного суда.

Из прилагаемых мною копий Вы узнаете, в чем дело. Я же лично решила обратиться к Вам, как оказывающую помощь политзаключенным!

Прошу Вас принять участие, как в моей дочери, так и во мне. Вот уже 10 месяцев, как я не знаю покоя ни днем, ни ночью. Я вся исстрадалась за мою бедную и невинную дочь. Мое горе и разлука с ней легче бы мною переживалась, если бы я знала, что она действительно виновата, но ведь я знаю, что она не виновата, что никогда ей и в голову не приходило совершать что-нибудь против Советской власти, ей во вред. После приговора Суда я была у нее на свидании, и она, горько плача, говорила мне: "Мамочка, милая, ведь ты прекрасно знаешь, что я ни в чем не виновата, зачем я родилась на свет такой несчастной". Я даже сил не находила, как мне ее утешить, чем, одно только твердила ей, что все буду делать, насколько найдется у меня сил, чтобы добиться твоей невинности. Ее так внезапно и неожиданно для меня сослали. Узнала я об этом на другой день, когда понесла в тюрьму напечатанное с ее черновика ходатайство для подписи, и не проститься, не передать ей что-либо в такой дальний путь я не могла.

Переживание мое, чувство беды, что, может быть, я ее уже никогда не увижу, невозможно описать. Воображаю, что она, бедная, сейчас переживает, любя так сильно меня, зная мою сердечную болезнь, чувствуя, что ее далеко увозят, и что ей долго, долго не придется узнать, что со мною, жива ли я, и все это благодаря злым и бессердечным людям, оклеветавшим ее.

Неужели я не найду правды и защиты в Советской Стране?

Прошу Вас, Екатерина Павловна, помочь мне, как матери, по моему глубокому убеждению, невинно осужденной дочери, выяснить, виновна ли она настолько, чтобы быть осужденной на 4 года, и недостаточно ли для нее того десятимесячного заключения, которого уже не вернешь.

Прошу Вас, не откажите уведомить меня о конечном результате участи моей дочери.

Вдова врача, пенсионерка, Селиванова

Дочь сослали 10-го мая в Бамлаг НКВД, г<ород> Ворошиловск.

г<ород> Казань, угол Островской и Астрономинской, д<ом> 3/16, кв. 4.
Варвара Владимировна Селиванова.

23 мая 1936 г<ода>»⁴.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1494. С. 238. Машинопись.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1496. С. 231. Автограф.